

Ромашов Роман Анатольевич*,
*профессор кафедры теории
права и правоохранительной деятельности Санкт-
Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
(г. Санкт-Петербург)*

**МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРОД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАК СУБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА:
ОТ «ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЕЩИ»
К СВОБОДНОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ**

Мы произносим определенные вещи и забалтываем их. Так было с правовым государством, примерно тоже самое происходит с некой сентенцией, которая называется многонациональный народ Российской Федерации, который упоминается в Конституции несколько раз. Прежде всего, он упоминается в преамбуле, с нарушением правил русского языка «Мы многонациональный народ Российской Федерации соединены общей судьбой, историей...». Затем также упоминается в 3 статье Конституции, как коллективный носитель государственного суверенитета и единственный источник власти. И на этом мы про многонациональный народ Российской Федерации в Конституции забываем. Так как это проблемный момент действительно серьезный, поэтому является ли тот самый народ субъектом. Для этого необходимо, как мне представляется, разобрать формирование конституционной традиции России. Выделим три этапа. Этап имперский, этап советский, этап постсоветский. И в рамках каждого из этапов меняется отношение к тому самому российскому народу про который очень много говорят и статус которого вплоть до настоящего времени продолжает оставаться в достаточной степени неопределенным. Если мы говорим о Российской Империи, то отношение со стороны власти к конституции было примерно тоже самое, что сейчас в России к актам экстремистского характера. Приведу две цитаты. Известный литератор С.Т. Аксаков: «Русский народ чужд всякого стремления государиться, будь это хоть немного иначе, давно бы в России была бы Конституция. Государственный гнет разрушает народные воззре-

* © Ромашов Р.А., 2018

ния на отношения подданных и власти, развивает с одной стороны рабские инстинкты с другой политическое властолюбие. Правительство и народ не понимают друг друга».

А вот мнение Императора Александра III, который на проекте «Конституции» графа Лорис-Меликова написал следующие слова «Слава Богу, это преступный и спешный шаг к Конституции не был сделан и весь это фантастический проект был отвергнут».

Разрушение Империи повлекло за собой формирование государства качественно нового типа, в котором качественным образом изменилось отношение и к праву, и к социальной структуре, и к Конституции. Конституция перестав быть «Золушкой на заднем дворе Империи, стала королевой современного российского законодательства».

При этом, если мы посмотрим, каким образом изменялось отношение к Конституции, то следует отметить, что в конституционной истории России две первых Конституции были учредительными, при этом Конституция 1918 года принималась как конституция временная, действующая вплоть до победы мировой революции.

В 1924 году была принята Конституция еще одного государства «нового типа» - СССР. При этом, структуры обеих Конституций включали в себя в качестве первых частей Декларации. В первом случае это Декларация прав угнетенного народа, во втором случае это Декларация об образовании СССР Таким образом эти Конституции носили консолидированный характер и включали в себя самостоятельные документы.

Конституции 1936 года и 1977 года, являлись «этапными». Их основной целью являлось закрепление промежуточных (этапных) достижений советского государства и советского народа возглавляемого коммунистической партией в строительстве коммунизма в «отдельно взятой стране».

Конституция 1936 года - это Конституция победившего социализма, а Конституция 1977 года — это Конституция построения развитого социализма и перехода к финишному этапу построения коммунистического общества. Причем если посмотреть на структуру советского конституционализма, то надо признать ее внутреннюю логику. Всякий раз, когда принималась союзная Конституция, в течении последующего года принимались Конституции союзных автономных республик. Если мы говорим об отношении к народу, то отношение к народу было примерно одинаковым и в Российской Империи и Советском Союзе. Народ рассматривался в

качестве объекта управления, своего рода вещи. При этом, если в Российской Империи это было логично, потому что вся империя («русская земля и русский народ») - это объект хозяйственного владения царствующего Императора. Последний российский самодержец Николай II в ходе переписи населения на вопрос анкеты о роде занятий ответил абсолютную правду: «Хозяин земли русской». Соответственно и русский народ — имперские подданные, был для императора такой же вещью, как и другие предметы, распоряжаться которыми, самодержец мог по собственному усмотрению, отвечая в своих действиях исключительно «перед Богом и собственной совестью».

В Советском Союзе качественным образом изменился подход как к организации государственной власти, так и к пониманию и структурированию народа, составлявшего социальную основу советского государства. Персонифицированная власть Императора сменилась не персонифицированной властью Советов народных депутатов, а на смену императору и имперским подданным, пришли граждане национальных союзных республик, объединенные в многонациональный советский народ. При этом, следует отметить, что конструкция «советский народ» в первых советских конституциях отсутствует. Есть понятие трудящиеся, трудовой народ, и главное, что есть понятие «советы народных депутатов», но про единый многонациональный советский народ, в советских конституциях, вплоть до 1977 г. ничего не говорилось. Кстати ничего в них не говорилось и о руководящей и направляющей роли коммунистической партии, в юридическом плане выступавшей как общественная организация.

В формальном плане государственную власть в СССР осуществляли советы, действующие от имени трудового народа и в теории, являвшие собой институт представительной демократии. Однако фактическое отношение к народу со стороны государственной власти не изменилось по сравнению с тем отношением, которое сложилось в имперский период. Народ не входящий в партийно-хозяйственную номенклатуру, являющую собой реальную государственную власть, продолжал выступать для «новой советской элиты» в качестве объекта управления, либо говоря языком Конституции 1936 года в качестве некоего «живого имущества».

Как уже ранее отмечалось, в 1977 году принимается Конституция развитого социализма, в которой есть две новации. В тексте конституции получает закрепление конструкция «многонациональ-

ный советский народ», и определяется статус коммунистической партии как руководящей и направляющей силы, являвшейся ядром политической системы СССР.

На завершающей стадии советского конституционализма логика многонационального советского народа, выстраивалась очень четко: основу Советского Союза, составляет советский народ, осуществляющий государственную власть и местное самоуправление посредством многоуровневых советов народных депутатов. Причем, если открыть Конституцию РСФСР 1978 года, то следует обратить внимание на то, что в ней закреплена структура многонационального народа Российской Советской Федеративной Социалистической Республики – это русский народ, нации и национальности, проживающие в РСФСР. Таким образом, русский народ, как самостоятельный обособленный национальный элемент в структуре многонациональной советской нации в советский период присутствовал. Если открыть любую другую конституцию, которые принимались и в Союзных и в автономных советских республиках, то в них, в обязательном порядке закреплена национальная конструкция - народ, являющийся неотъемлемой частью национальной общности более высокого уровня - единого многонационального советского народа. Такой порядок позволяет говорить о том, что Советский Союз - это многонациональное государство, в котором есть единая нация, многонациональный советский народ и, вместе с тем, есть самостоятельная национальная общность – русский народ.

После событий, связанных с разрушением Советского Союза, была принята новая российская Конституция (1993 г.), в которой получила формальное закрепление конструкция - «многонациональный народ Российской Федерации». Однако в отличие от советского народа в структуре многонационального российского народа отсутствует какое бы то ни было упоминание о русском народе, который, таким образом, утратил собственный конституционный статус. Если же посмотреть на конституции субъектов - республик, то там говорится о многонациональном народе (Дагестана, Чеченской республики, Башкирии и т.п.), но ничего не сказано, о том, что эти многонациональные народы является частью единого российского народа.

Анализ текста действующей российской Конституции, приводит к выводу о том, что о единой нации - многонациональный народ Российской Федерации, говорится только дважды: первый

раз в преамбуле и второй раз, в ст. 3. При этом в самой Конституции ничего не сказано об объединительной национальной идее.

В Российской Империи такой объединительной идеей являлась присяга на верность Императору, которую приносили все российские подданные. Сейчас многие говорят о том, что объединительной идеей являлось православие, бывшее в дореволюционной России государственной религией. Это не совсем так. Православная вера объединяла только русских людей. При этом в Империи русский – это не национальность, а конфессиональность. Русский – значит православный. Причем не любой, а только тот который входит в лоно Русской Православной церкви. Императором России мог стать только русский, православный человек, представитель царствующего дома Романовых. В таком понимании изначальная национальная принадлежность претендента на трон, значения не имела.

Если говорить о федерации – Союз Советских Социалистических Республик, то объединительной национальной идеей, а точнее государственной идеологией был научный коммунизм, на основе которого осуществлялось объединение в советский народ республиканских наций.

Очевидно, что в настоящее время «скрепы», обуславливавшие «единство» русского (имперского) и советского народов, для национального объединения российского народа не подходят.

Православие утратило государственный статус и в юридическом отношении является всего лишь одним из религиозных направлений по своему формальному статусу, не отличающемся от других традиционных религий, исповедуемых российскими гражданами.

То же самое можно сказать о коммунистической идеологии, которая в условиях конституционного запрета на установление единой государственной идеологии (ч.2 ст. 13 Конституции РФ), представляет собой идеологическую платформу одной из политических партий (КПРФ) и не более того.

Производительный труд в условиях современной России перестал быть общеобязательным, а человек труда – пролетарий, крестьянин, интеллигент, в настоящее время рассматривается не как «гегемон», а как неудачник – «лузер», не сумевший «пробиться в жизни», так как это сделали «успешные бизнесмены» и достигшие «вершин карьерного роста» государственные чиновники.

Что же касается Великой Октябрьской Социалистической Революции, то она сегодня воспринимается в качестве одного из много-

численных исторических артефактов, оценка которого носит весьма противоречивый характер, предполагающий примерное равенство позиций как тех, кто продолжает оценивать ее положительно, так и тех, кто рассматривает данное событие в качестве величайшей катастрофы. В любом случае, из активного политического лексикона государственных деятелей данное явление практически вышло и национальным праздником («День седьмого ноября – красный день календаря») быть перестало.

Таким образом, «старые скрепы» утратили свое «скрепляющее» значение. Вопрос: появились ли новые? Если да, то в чем они заключаются.

Представляется, что в современной России в качестве основных «скреп» выступают две модельные конструкции: это Великая Отечественная Война и действующий Президент России В.В. Путин.

Возникновение и харизматическую легитимацию первой «скрепы» можно проследить как по отношению к минувшей войне в искусстве (прежде всего в кино), так и по воссозданию в 2008 г. широкомасштабных военных парадов и привязанных к войне тематических демонстраций (начиная с 2012 г. «Бессмертный полк»). Причем если проанализировать отражение войны в литературе и живописи, то следует констатировать снижение интереса к этой проблеме как со стороны производителей (писателей, поэтов, художников), так и со стороны потребителей (читателей, посетителей выставок и др.) соответствующего тематического продукта. В частности, проведенный выборочный анализ читательских абонементов публичных, вузовских и школьных библиотек, позволяет говорить о повсеместном снижении читательского интереса к книгам посвященным военной проблематике. Если же говорить о работах современных авторов, то это в большинстве своем «военное фэнтези», посвященное так называемой «альтернативной истории». В современной российской кино- и телеиндустрии, тема войны продолжает оставаться безусловно одной из наиболее востребованных. Однако, говорить об исторической достоверности применительно к большинству из выпускаемых кинокартин и телесериалов не приходится. Это достаточно типичные образцы государственной пропаганды, основной целью которых является формирование на уровне индивидуального и коллективного сознания идейно-патриотических штампов, по своей сути подобных тем, которые формировались в советском искусстве относительно Октябрьской Социалистической Революции. При этом для современного поколе-

ния отношение к Войне, по временному разрыву, а значит и по внутреннему восприятию примерно то же, что было у поколения «80-х», по отношению к Революции. Для современных россиян, Великая Отечественная Война — это все дальше отдаляющаяся во времени «высокая трагедия», реальная объединительная сила которой в обозримом будущем будет снижаться, поскольку никакое прошлое не может выступать в качестве интегрирующего фактора для будущего.

Восприятие в качестве национальной скрепы фигуры действующего Президента России В.В. Путина, постарался обосновать в своей статье «Долгое государство Путина», известный современный российский пропагандист В.Сурков, по мнению которого «Русской истории известны, четыре основные модели государства, которые условно могут быть названы именами их создателей: государство Ивана Третьего (Великое княжество/Царство Московское и всей Руси, XV—XVII века); государство Петра Великого (Российская империя, XVIII—XIX века); государство Ленина (Советский Союз, XX век); государство Путина (Российская Федерация, XXI век)... Большая политическая машина Путина только набирает обороты и настраивается на долгую, трудную и интересную работу. Выход ее на полную мощь далеко впереди, так что и через много лет Россия все еще будет государством Путина».

Как видим, автор пытается при выстраивании своей позиции «обойти» таких эпохальных и, вместе с тем весьма неоднозначно оцениваемых государственных деятелей, как Иван IV (Грозный) и И.В. Сталин, которые в реальности были фактическими «строителями» двух из обозначенных циклов российской истории, но это в данном случае не столь важно. Важно то, что в очередной раз, на уровне государственной пропаганды, предпринимается попытка обоснования концепции «человек — государственная эпоха», в рамках которой априори заявляется о безальтернативности действующего главы государства и распространения его власти на неопределенное будущее. Есть ли в такой позиции, кстати достаточно традиционной для российской государственной истории объединительный потенциал обеспечивающей сплочение различных народов в единый многонациональный российский народ. На мой взгляд нет.

Вместе с тем, в действующей Конституции получили закрепление три очень правовых категории. Это конституционное право человека на свободу, конституционное право человека на достоинство и конституционное право человека на изменение гражданства.

Отдельные граждане, число которых с течением времени возрастает, перестают воспринимать себя как подданных государственной власти. На смену человеку-вещи, приходит человек — свободный гражданин, воспринимающий государство не с точки зрения сакрального творения, принадлежности к которому есть некая увековеченная константа, а в качестве социальной среды обитания и жизнедеятельности, подлежащей рациональной оценке. Если в «советское время» человек, который менял гражданство воспринимался по сути, как изменник Родины, то в настоящий момент решение о принятии гражданства другого государства, в том числе рассматриваемого в качестве потенциального врага России рассматривается как вполне обычное, нормальное явление. Но для государства-нации это ненормально, потому что когда мы говорим об интеллектуальном обеспечении «прорыва» в государственном развитии, то не должны забывать о том, что из современных Нобелевских лауреатов российского происхождения ни одного российского гражданина к большому сожалению нет. А это серьезная угроза национальной безопасности. Власть, забывающая о том, что государство и народ представляют собой единое явление, рискует утратить властные полномочия, как это было в Российской Империи и в Советском Союзе. И в том и в другом государствах, отделение власти от народа обусловили, в конечном итоге кризис и разрушение национальной государственности. Сумеет ли нынешнее российское государство избежать подобного негативного сценария? Сможет ли в реалии сложиться единая социальная общность — многонациональный народ Российской Федерации? Покажет время.